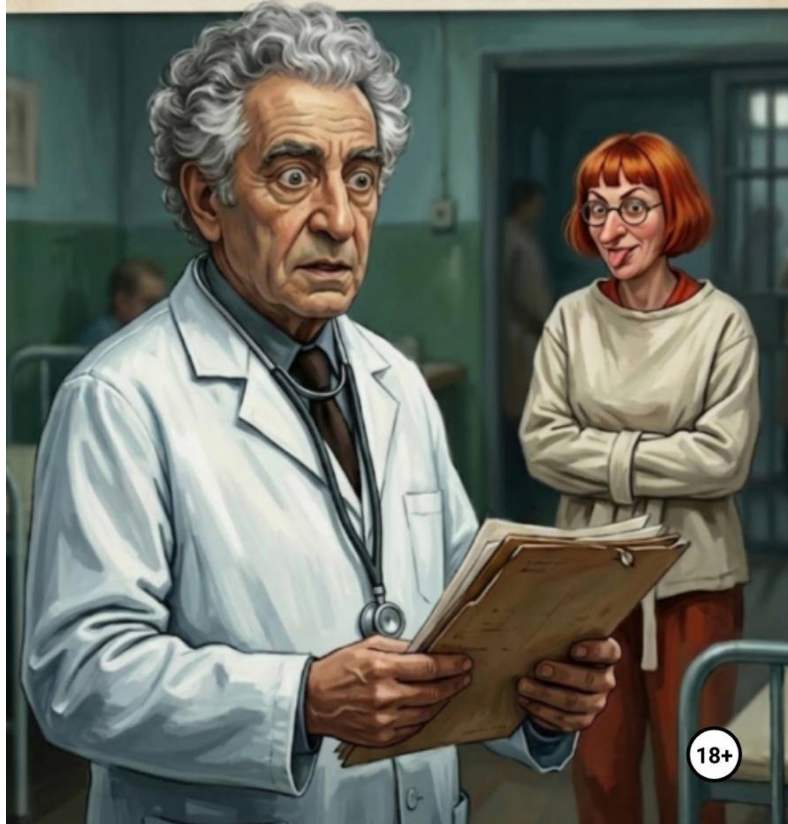

Стася Белуга

ДНЕВНИК ПСИХИАТРА ЦИГЕЛЬБОЙМА. ЗАПИСКИ ИЗ ПАЛАТЫ №14.

18+

Стася Белуга
Дневник психиатра
Цигельбойма.
Записки из палаты 14

*<https://litres.ru/74100611>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Она — пациентка психиатрической клиники. Он — её лечащий врач, пожилой психиатр с большим сердцем и бесценным опытом.

Наташа N. не просто пишет — она переписывает реальность. Подвиги Геракла превращаются в фрейдистский эпос, оргии на Олимпе сотрясают мироздание, а Джеймс Бонд оказывается связанным в гостиничном номере с утюгом в руках советской разведчицы.

Доктор Цигельбойм фиксирует каждое слово. Его монография становится не просто медицинским документом, а летописью женского гения, абсурда и отчаянной надежды.

Смешно до слёз. Страшно до смеха. И немного про любовь.

Потому что если женщина в 48 лет с пирсингом и кредитной историей не теряет надежды — она либо гений, либо пациент. А чаще всего — и то, и другое.

Содержание

Вступление и Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Стася Белуга
Дневник психиатра
Цигельбойма.
Записки из палаты 14

Вступление и Пролог

ВСТУПЛЕНИЕ
МОНОГРАФИЯ ДОКТОРА

Случай пациентки N. (Наташи N.)

Клинические наблюдения и литературный феномен

Автор: Соломон Маркович Цигельбойм, врач-психиатр высшей категории, кандидат медицинских наук, заслуженный работник здравоохранения, почётный член Общества изучения пограничных состояний.

ВСТУПЛЕНИЕ ОТ АВТОРА

Уважаемый коллега (если вы держите в руках этот текст)

или просто любопытствующий читатель (если монография каким-то чудом попала в ваши руки помимо издательских каналов) — предупреждаю сразу: то, что вы здесь прочтёте, не укладывается ни в одну классификацию DSM, МКБ или даже в мою пятидесятилетнюю практику, включавшую всё: от тихих шизофреников до буйных маниакалов с топорами.

Пациентка N. — отдельная вселенная.

Мне 73 года. Я Соломон Маркович Цигельбойм. Моя фамилия происходит от местечка под Бердичевом, где мой дед был раввином и лечил души молитвами, а я лечу души таблетками и беседами. Последние пятьдесят лет я наблюдаю человеческие странности, но такого... такого я не видел никогда.

Всё началось с того, что в моё отделение поступила женщина, доставленная с травмой сантехника. Буквально. Я потом долго объяснял интернам, что травма сантехника — это не диагноз, а обстоятельства, но в данном случае обстоятельства требовали отдельного протокола.

ПРОЛОГ

Знакомство, или Первое впечатление часто бывает обман-

чивым (но не в этом случае)

День первый. Утро.

В палату 14 (я специально не дал ей 6-ю, чтобы избежать ненужных ассоциаций с Чеховым) поступила новая пациентка. Направление: «Острое психическое расстройство на фоне гормональной перестройки, осложнённое травматическим опытом взаимодействия с представителями противоположного пола и, предположительно, посмертными визитами бывшего психолога».

Я, признаться, сначала подумал, что это шутка коллег из приёмного покоя. Они любят надо мной подшучивать. Но когда я увидел её...

Женщина 47 лет. Выглядит мда, не знаю, что и сказать. Медные с проседью волосы, голубые глаза поверившей в себя Золушки, которой принц не только вернул туфельку, но и пообещал жаркую ночь и смылся. На лице выражение одновременно трагическое и восторженное. Одета в больничную пижаму, поверх которой накинута косуха со странным орденом непонятного происхождения. Косуха потрёпанная, собственная, как выяснилось позже. Принесла с собой. Отобратить не разрешила, сказала: «Это моя броня, доктор. Без неё я незащищена перед мужиками и призраками». Я разрешил оставить. В конце концов, косуха — не опасный предмет. Пока.

— Здравствуйте, — сказал я самым мягким голосом. — Я Соломон Маркович, ваш лечащий врач.

Она посмотрела на меня долгим, изучающим взглядом. Потом спросила:

— А вы женаты?

Это был первый вопрос. Не «где я?», не «что со мной будет?», не «когда меня выпишут?». А «вы женаты?».

— Да, — ответил я. — Уже сорок пять лет. И очень счастлив.

Она вздохнула с таким выражением, будто я сообщил о своей неизлечимой болезни.

— Жаль. А то вы симпатичный. Для своих лет. Евреи, они вообще... темпераментные. Я читала.

Я промолчал. Сделал пометку в карте: «Выраженная гомосексуальность, отсутствие социальных фильтров, склонность к генерализации этнических стереотипов».

— Рассказывайте, — предложил я. — Что случилось?

Она рассказала. За сорок минут без остановки. Я слушал и чувствовал, как моё сердце, которое и так уже работало с перебоями, начинает ритмично поддёргиваться в такт её повествованию.

Краткое содержание (я записывал стенографически, потом расшифровывал три дня):

— Капланов приходил по ночам, пальцы тёплые, а он мёртвый, представляете? Я думала, беременна, а это климакс! Спираль взяла в кредит, 50 тысяч, а сантехник этот...

ну вы знаете... Настя говорит, психушка, а я не псих, я просто ищу любовь! А полковник, гад, пользовался бесплатно, я ему трусы под столом оставила для приворота, а он денег не дал! И Пилюков женат, оказывается! А часы китайские! А кукушку Паштет украл, и ситечко, и фенечку от Али! А Али вообще порно снял, я звезда турецкого интернета, доктор, вы представляете? А Ростислава я сама изгнала, танцевала топлес у костра, вся деревня смотрела, а он развернулся и уехал, 10 лет, доктор, 10 лет! И полку прибывал! И тюльпаны дарил! А я, дура, бабу Лану послушала!

Я слушал. Записывал. В голове постепенно складывалась картина, напоминающая полотно Босха, но с элементами советской сатиры и турецкого мыла.

— Наталья, — сказал я, когда она сделала паузу, чтобы перевести дыхание. — У меня к вам предложение.

— Какое? — она посмотрела с подозрением. — Секса не будет, доктор. Я после спирали ещё не отошла. И вообще, вы женатый.

— Нет-нет, — поспешил я. — Речь не об этом. Я вижу, что у вас богатый... э... жизненный опыт. И литературный талант. Вы упоминали, что пишете. Что преподаёте риторику.

— Да! — она оживилась. — Я гений, доктор! Я книгу написала! «Лучишко напушковое»! Это шедевр! Там про всё! Про любовь, про смерть, про Капанова, про то, как свет надежды пробивается через... ну, вы понимаете, через что.

Я не понимал. Но кивнул.

— Я дам вам бумагу. И карандаш. Короткий, чтобы вы не могли... ну, мало ли. И вы будете записывать всё, что приходит вам в голову. Всё, что вспомните. Всех мужчин. Все истории. Все стихи, переводы, ассоциации. Это поможет мне понять... вашу картину мира. И вам станет легче. Договорились?

Она посмотрела на меня с благодарностью. Настоящей, детской, почти трогательной.

— Доктор, вы первый, кто захотел меня слушать. А не послать. Спасибо.

Я вышел из палаты. Прислонился к стене. Вытер пот со лба. Сердце стучало где-то в районе горла.

Санитар Степан, работающий у нас тридцать лет, видевший всякое, спросил:

— Соломон Маркович, вы чего такой бледный? Тяжёлый случай?

— Степан, — сказал я. — Ты даже не представляешь. Это не случай. Это эпос. Это Одиссея. Это... если бы Фрейд и Булгаков сели писать вместе, у них бы получилось скучнее.

Степан покрутил пальцем у виска. В смысле, у своего. Я не стал объяснять.

День второй. Утро.

Прихожу на обход. В палате тихо. Наташа сидит на кровати, согнувшись над листочками. Кончик языка высунут на-

ружу. Иногда она шумно сглатывает и облизывает губы. Порой тихо хихикает и чешет макушку. Карандаш летает, она иногда покусывает его, задумчиво поднимая глаза к потолку, иногда вставляет в ухо. Что-то тихо бормочет себе под нос.

— Доброе утро, Наталья. Как спалось?

— Капланов не приходил, — сообщила она доверительно. — Наверное, чувствует, что я под защитой. Вы, доктор, моя защита. Больше ж некому. Я – жертва. Вы – мой рыцарь в тумане.

Я хотел возразить, но передумал.

— Покажете, что написали?

Она протянула мне листки. Я прочитал. И понял, что пропал.

Там было:

«Риторика. Поиграем? Сегодня вольный антонимичный перевод советской классики...»

Дальше шёл текст, от которого у меня заболело сердце. Не потому что он был плохой. А потому что он был... странный. Жуткий. Пророческий. Она переворачивала слова, и они начинали звучать как апокалипсис. Волосы на моей голове приподнялись сантиметра на два, в носу неприятно защемило, где-то внутри гулко стукнуло, замерло и упало в желудок сердце.

Я прочитал про «капиталистическое забугорье», про «камень чужбины», про «самую ненавидимую отчизну». И понял: это не просто бред. Это диагноз. И одновременно —

литература.

Потом были фразеологизмы. Она заставляла угадывать их по научным описаниям. «Отсутствие финансового благополучия не является характерным признаком стойкого стремления к определенному виду греха...» — это, оказывается, «не в деньгах счастье». Я не угадал.

Потом — ассоциативные пары:

- Гантели — подлец (это про Ростислава, тренера, как я понял).
- Прикасаются — волновать (про оргазмы).
- Орех — преступника (про ж... ну, вы поняли).
- В Сибирь — на сайт (про Барнаул, полковника, всех сразу).

Я сидел и читал. Потом перечитывал. Потом позвал Степана и попросил никого ко мне не пускать час.

— Сердце? — спросил Степан.

— Душа, — ответил я. — Душа болит. И ликует одновременно.

День третий. Вечер.

Наташа написала ещё. Она вспоминала, как научилась пить самогон. Сначала с папой, лет в 16 на мокрой от дождя даче, потом в институте под лестницей, с пятью студентами мужского пола, потом на Алтае, с Каплановым. Подробно, смачно, с деталями про то, как её тошнило в кусты, а потом они целовались. Я читал и чувствовал, что моя юность, про-

шедшая в тихом еврейском местечке без самогона и Каплановых, была безнадежно скучной.

Потом она написала про зелёных чёртиков. Не тех, что от белой горячки, а особенных. «Они приходили после третьей мензурки, — писала она. — Играли на балалайках и просили рассказать про Булгакова. Я им читала «Собачье сердце», они плакали и просили добавки, лазили мне в трусы своими длинными тонкими пальцами. Потом оказалось, что это соседи по даче, но какая разница? Главное — впечатление».

Я задумался. Впечатление. Да, у неё с этим было всё в порядке.

А потом — шедевр. «Рыцарь в тумане». Роман, который она написала когда-то и теперь переписывала по памяти. Про рыцаря, который брёл в тумане по лесу, без коня (видимо, волки съели), почему-то в полном облачении, гремя на весь лес деталями доспехов, пугая белочек и не имея даже возможности отлить в кустики. Доспехи ржавели на глазах, рыцарь скорбел. Искал свою прекрасную даму, а нашёл... ну, нашёл то, что обычно находят женщины в её возрасте. Разочарование. Но с намёком на свет.

Я прочитал. Перечитал. И понял, что это гениально. Не литературно — там слог хромает на обе ноги. Но экзистенциально. Это же метафора всей её жизни! Туман, поиски, надежда, и в конце — ничего, кроме собственного отражения в луже того, что не смогло вылиться в кустики. Но она продолжает идти. Потому что рыцарь. Потому что должна.

День пятый. Ночь. (Я не спал.)

Я позвал коллег. Заведующего, двух интернов, психолога. Прочитал им вслух «Лучишко напушковое» — главный, как она говорит, шедевр.

Цитирую:

«Лучишко напушковое падало на столешницу, где стояла чашка с недопитым счастьем. Счастье было холодным, как руки Ростислава в последнюю ночь перед изгнанием. Но лучишко грело. Оно пробивалось сквозь пушок разочарований и обещало: завтра будет новый день. И новый мужик. Или не мужик. Но лучишко — оно же не спрашивает. Оно просто светит. Тем, у кого есть пушок, сверху и снизу. То есть у всех».

Интерны молчали. Психолог плакала. Бездомная собака на улице жалобно выла. Заведующий сказал:

— Соломон Маркович, это гениально. Я ничего не понял, но это гениально.

Я кивнул. Я тоже не понял. Но почувствовал. В ней, в этой женщине, есть что-то большее, чем климакс, спираль и травмированный сантехник. Есть тайна русской души. Или еврейской. Или просто женской. Которая ищет, страдает, падает и встаёт. Которая пишет «членобитную» и верит в призраков. Которая танцует топлес у костра, чтобы изгнать единственного нормального мужика, а потом рыдает, что он

ушёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.